

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК
Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ II

(с 4 таблицами и 5 рисунками в тексте)

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1927

22. Dr. Fr. Kraelitz. Osmanische Urkunden in türkischer Sprache aus der 2-ten Hälfte des 15. Jahrhunderts. Ein Beitrag zur osmanischen Diplomatie. Wien 1922 (отдельный оттиск из S. W. A. W. 197. Band, 3. Abhandlung).

Эта интересная работа, даже и теперь мало известная среди русских туркологов, имеет весьма необычную внешнюю историю. В основе публикации лежит сборник османских документов, прежде составлявший часть архива республики Дубровник (Рагуза) и в 30-х годах прошлого столетия переданный в венский К. и К. Haus-Hof-und Staats-Archiv; по окончании мировой войны (1914—18 г.) Австрия обязалась, согласно специальному пункту одного из недавних международных трактатов, передать названное собрание документов Юго-Славии, — государству, включившему в свои пределы территорию прежнего Дубровника (Рагузы). Поэтому работа Kraelitz'a, начатая ранее этой передачи документов, закончилась уже в период действия юго-славянской приемочной комиссии, которая, как подчеркивает наш автор, отнеслась к его работе очень внимательно и оставила нужные ему документы в венском архиве долее официального срока (S. 43). В другом месте автор указывает на то, что юго-славянская наука имеет моральные права на владение рагузанским архивом, т. к. ей принадлежит начало их разработки (стр. 6): именно, он имеет в виду издание известного боснийского турколога Dr. Ćiro Truhelka *Tursko-slovenski Spomenici dubrovačke arhive* (*Glasnik Zemaljskog Muzeja u Bosni i Hercegovini*, том XXIII), где некоторые из опубликованных османских документов восходят ко 2-й половине XV в.; в предисловии издатель Truhelka указывает, что в одном из зал рагузанского архива хранится под общим наименованием *Acta Turcica* несколько сотен неразобранных документов на османском языке. Подобного рода публикации являются редкостью, и османская дипломатика, можно сказать, еще только создается. Своей работой F. Kraelitz надеется «die ersten Bausteine für eine osmanische Diplomatie zu liefern und auf diese Weise zu weiteren und ausgreifenden Arbeiten auf diesem noch unbebauten Gebiete anzuregen» (стр. 4). Предшествующие труды, в роде статей Абд-ур-рахмана Шерефа и Мусы Кязима в تاريخ عثمانی انجمنی مجموعہسی (т. I, стр. 9 sq. и 65 sq.) и европейского издания G. Jacob'a, *Türkische Urkunden aus Ungarn* (Kiel 1917), не имеют большого научного значения и не дают ничего в смысле метода для разработки османской палеографии и дипломатики. Между тем, как справедливо отмечает автор, документальное изучение османского прошлого необходимо также в целях истории, которая со времен J. Hammer Purgstall'я отклони-

лась от архивных изысканий¹ и базируется главным образом на данных османских историографов. Последние, однако, по общему правилу, не придавали документальным материалам особого значения; одно из немногих исключений составлял Ибрахим Печеви (1574—1651), «der den Wert der Urkunde für die Geschichtschreibung erkannte» (стр. 1, о нем — статья F. Kraelitz'a в *Der Islam*, Bd. 8, S. 257).² Разработка константинопольского и большинства европейских архивов, где имеются османские грамоты, находится в зачаточном состоянии; при этом иногда официальное описание рукописи с точки зрения ее содержания не всегда соответствует действительности (стр. 5). При таких условиях работа Kraelitz'a, дающая факсимильный текст и комментированный перевод 24-х султанских ферманов второй половины XV в., а также содержательное введение палеографического характера, является большим событием в османистике. Изучение балканских архивов, внешним образом соприкасающихся с Австрией и Юго-Славией, ведется общими силами венских и боснийских туркологов, и надо надеяться, что в результате этих усилий поднимется на известную высоту османская палеография и дипломатика, одинаково необходимая для лингвиста, историка и историка литературы.

Документы, изданные Kraelitz'ем, принадлежат к числу весьма древних в серии известных нам османских документов; поэтому он довольно подробно останавливается на внешней стороне рукописей. Бумага, как о том позволяют судить водяные знаки, — итальянского происхождения (Венеция, Палермо). Формат, за некоторыми исключениями 40—47 см. в длину и 14—17 в ширину. Вообще формат 43 × 15 см. Kraelitz признает типичным для султанских ферманов XV в. Шрифт документов — **توقيع** или «Diplomschrift», при чем стиль шрифта не выдержан: от свойственной ему формы, близкой к персидскому **تعليق**'у, наблюдается отклонение в сторону позднейшего канцелярского шрифта **ديوانی**. Чернила — черные, хорошо сохранившие цвет вплоть до наших дней; отдельные места писаны золотой краской **زر**. Для высыхания чернил свеженарисованный текст посыпали «золотым песком» (**آلتون ريك**). Что касается внутренней стороны документов, то они содержат разрешения султана, выданные иностранным державам, или распоряжения местного характера, обращенные к турец-

---

¹ Причину этого автор видит в отсутствии у большинства исследователей палеографической школы, а также в неразработанности османской дипломатики.

² В названном журнале за последние годы помещено несколько статей различных авторов по вопросам османской дипломатики. На Западе вообще эта отрасль османистики за последнее время оживает.

ким властям. Техническое выражение для этих актов, носящих знак тугры, — *حكم* (с синонимами: *امر* и *فرمان*); при нем обязательны постоянные эпитеты *سلطانی شریف* и др. (стр. 10). Интересно отметить, что Высокая Порта выдавала документы не только на османском, но также на греческом, латинском, итальянском, сербо-хорватском, персидском, арабском и даже немецком (стр. 10) языках, в виду чего ей приходилось иметь квалифицированный штат переводчиков.

Все случаи относительно применения каждого языка были строго регламентированы; наименьшему шаблону подчинялось и само содержание фермана, которое Kraelitz делит на 3 части: введение (*Einleitung oder Eingangsprotokoll*), собственный текст документа (*eigentlicher Urkundentext*), заключение (*Schluss oder Schlussprotokoll*). Каждая из них, в свою очередь, допускает более мелкие подразделения, также чисто стереотипные. Введение должно заключать: во-первых призыв к Аллаху (*invocatio*, нем. *Anrufung*), по осм. *تمجید* или *تحمید*, каковой может быть текстуальным (ряд известных мусульманских формул, часто в рифмованной прозе) и мономатематическим. В последнем случае в тексте стоит символический знак *سو*, который Karabašek объяснял, как сокращение эпистографической формулы «басмала» (*Basmala-Formel*). Полемизируя с ним, автор становится на сторону традиционного толкования, выводящего *سو* из *هو* (Он, т. е. Аллах), и в отдельном палеографическом экскурсе (стр. 15) подкрепляет это объяснение ссылкой на персидские рукописи и установленное влияние персидских переписчиков на их османских учеников. Далее (стр. 16—17) приводятся таблицы графической эволюции *هو*, написанного почерком *تعليق*, а также указываются пумизматические данные по этому вопросу. Вторая часть введения—знак «тугры»; этимология слова (из чаг. *طوغراق* от глагола *طوغرامق*, согласно Махмуду Кашгарскому) дается на стр. 18—19, прим. Далее автор подробно описывает значение тугры, как султанской печати, роль *نشانی* или «государственного секретаря», как ее хранителя, и случаи, когда тугра прикладывалась к указу (стр. 19—20). Приводится и легенда о том, что форма тугры, как монограммы, возникла из отпечатка руки Мюрада I-го, который, по неграмотности, скрепил договор с Дубровником-Рагузой оттиском руки, предварительно обмокнув ее в чернила. Третья часть — обращение (*inscriptio — Adresse*), которое состоит из обозначения лица или страны (*الغاب*) и приветствия (*salutatio, Segenwunsch*) по-турецки *دعا*; образцы того и другого приведены автором на стр. 24—26. Далее следует собственно текст с его характерными подразделениями: 1) изложение повода к письму (*expositio, narratio*; по нем. *Darlegung des Sachverhaltes*), технически называемое *ابلاغ* (формулы приведены на стр. 27).

2) *dispositio* (*Verfügung des Sultans*), логически связанное с предшествующим: ... *که در کرک es ist notwendig, dass...* (другие формулы на стр. 27), вслед за чем идет 3) «подкрепление» (*dispositionis sanctio; Bekräftigung der Dispositio*), но османски *تأكيد* в роде ... *شيله بالاسز so sollt Ihr wissen...* и мн. др. (стр. 28). Иногда фразы заключают явно выраженные угрозы: *قول کوندر بلبايه اوغرادرين so will ich Truppen schicken und über sie schweres Unheil kommen lassen* (стр. 29), 4) удостоверение подлинности документа, т. е. указание на наличие тугры: *علامت شريفه اعتبار*

أيدہسز ... Ihr sollt dem erhabenen Handzeichen Vertrauen schenken... и др. (стр. 29—30). Далее следует заключительная часть, которая начинается 1) с датирования документа: ... *تحريراً في* (реже ... *في حرر* или ... *في كتب*). Дни месяца обозначаются или точно (*في خامس رجب المرجب*), или приблизительно, по «декадам» (*منتصف* и *سلخ*, *غره*); имена месяцев арабского сакрального календаря часто обозначаются сокращенно (*م* = *محرم الحرام*, *ص* = *صفر الخير*, *را* = *ربيع الاول*, *ر* = *ربيع الثاني* и т. д. стр. 31—33); 2) с указания места (*Angabe des Ausstellungsortes*), при чем применяется тройная формула с особыми оттенками значения: *بمقام* *bi-mākam-i* (in der Residenz), *بمدينة* *bi-mādīnā'-i* (in der Stadt) и *بيورت* *bi-jurt-i* (sic!) (im Feldlager zu...). Из них первая ставилась для трех столиц — Брусы, Адрианополя и Стамбула (стр. 35), 2-я — для провинциальных центров (стр. 36), а 3-я для военных лагерей, т. к. султан, идя в поход, брал с собой и весь гражданский аппарат, причем лишь впоследствии уходившие с ним в поход сановники стали оставлять в Константинополе своих заместителей (стр. 37). При указании лагерей часто отмечается летняя и зимняя стоянка; названия местечек, городов и столиц имеют при себе стереотипные *epitheta ornantia* (в роде: *الموقيه*, *المحبيه*, *المحروسه* и т. д.; стр. 38). В заключение ставится *م* из традиционного *تم*; в XV веке это не столь распространенный знак, как в XVII и XVIII. Завершает все печать. Акты XV в. обычно не имеют печати, т. к. султанская тугра заменяет собой печать; только на документах финансового характера стоят иногда (сбоку, рядом с обозначением места) печати дефтердаров. Для бумаг обще-юридического и дипломатического значения датировка производилась в «государственной канцелярии» (*ديوان همايون قلمی*), для финансовых — в *اوامر ماليه* *نارنجی*. Впоследствии были образованы особые *Datierungsbüros* (*قلمی*), и документы стали снабжаться, сверх всего остального, особой надписью *صح* («верно») и подписью соответствующего чиновника (*مميز*). Общая

схема султанских эдиктов, несмотря на свои окаменелые частности, не оставалась неподвижной и менялась в течение десятилетий; в ходе этой эволюции Kraelitz усматривает влияние европейской практики, которое усиливалось в последующее время, постепенно оттесняя традиции персидского и византийского ритуала.

Далее (стр. 44—111) следует текст (арабским шрифтом) и комментированный перевод 24-х ферманов (первый от 9/VI 1456, данный Мехмедом II князю молдавскому Петру;¹ последний дан 30/VIII 1497 султаном Баезидом II по поводу доставки почтовых лошадей). За переводом идет указатель собственных имен и факсимиле подлинного текста; документы изданы в 2/3 оригинальной величины. В тексте встречается много архаизмов, которые дают известный материал по исторической грамматике османского языка и потому заслуживали бы специального обследования. Важность изданного материала, а также богатое критическими замечаниями введение, быть-может, впервые систематизирующее методологические указания по османской палеографии, — все это делает книгу Kraelitz'a ценным пособием, а выводы ее — исходным пунктом для дальнейших работ по османской палеографии и дипломатике.

Н. Дмитриев.

---

¹ В противоположность остальным, этот ферман, по указанию Kraelitz'a (стр. 5 прим. 44), находится в Москве, в Государственном (?) Архиве. Проверить это, а также сличить оригинал с изданным текстом до сего времени, к сожалению, не удалось.